

УДК 81.5:398.9[811.161.1+811.161.3](045)

Функционирование прилагательного *золотой* в русских и белорусских заговорных текстах

И. Г. ЕВТУХОВА

Золото, *золотой* – «металл и признак, символизирующий богатство, красоту, долговечность, соотносимые с представлениями о «верхнем» мире, сфере божественного, с высшими ценностями и, в то же время, с «тем светом» (СД 2, 352).

Характерной особенностью прилагательного *золотой* является то, что в текстах заговоров *золотой* обладает однозначной символикой, с одной стороны, полновластия, главенства и, с другой, колдовства. «Ценность золота удваивается тем, что это драгоценный материал – знак богатства, а стало быть, и власти. В этом своем качестве золото также божественно, поскольку Бог – это «Царь небесный», всеобщий повелитель» [1, с. 83]. Поэтому *золотыми* в текстах являются: 1) центральные предметы (рус. *золотой престол, золотой стол, золотой крест, золотой столб, золотая лестница, золотая колыбель, золотая кузница (кузня), золотое горно, золотой стул*; бел. *залаты вазочак, залатое крылечка, залатое крэсла (креслечко, кресличко, крислічка), залатая гара, залаты мост*). Ср.: рус. *Мать Пресвятая Богородица. С золотого престола, с золотым блюдом, с золотыми ножницами...* (БКЗ, От уроков, 78); бел. *...Ехаў Сус Хрыстос чэрэз залаты мост...* (ПЗ, № 380. Ад звiху, 226); 2) мифические персонажи (рус. *золотой человек, золотая девица, золотая баба, девица – золотое лицо*; бел. *золотый золотничок, золотый чолочечок*); б) неантропоморфные мифические существа (рус. *белка золотая, золотая щука, щука златокрыла, злат птица, золотой петух*; бел. *змея, золотая голова*).

Благодаря сквозным эпитетам каждый персонаж и предмет заговора получает особую магическую значимость, а текст в целом отчетливо ритмизируется и приобретает сказочный колорит [2, с. 321]: *Нарадзи мяне, Госпадзи, // З жыватварашча краса, // Сахрани мяне, Госпадзи, // Ад усякага зла. // ...Прычыста Святая, // У цябе ручка залатая. // З медзянога пальца испусці, // Ты мяне ў дарогу адпусці* (ПЗ, № 1052 [В дорогу], 621); *Госпадзи Богу памалюся, // Святой Прачыстай Мацяры пакланюся. // Прачыста Святая, // Ручка залатая, // З медзянога пальца спусці, // У дарогу ичасця пусці* (ПЗ, № 1053 [В дорогу], 622); *Сам Господь з небесов слезав, // Золотую пятою постунав...* (ПЗ, № 861 [На молоко у коровы], 500). Заговор «От волосец» также включает персонаж *золотой человек*, имеющий фольклорно-мифологический характер: *«Есть море-Окиян; на том море есть мост золотой, сидит на нем человек золотой, стружит стрелы золотые и стреляет из раба Божия* [3, с. 41, № 91].

Человеку, произносящему заговор, предписано «стружки строгати выстругом намелко черемховья». *Золотой человек* в заговоре также «стружит стрелы *золотые*», а в дополнение к этому еще и «стреляет» болезни. Текст заговора и ритуал, сопровождающий его произнесение, взаимно открыты и проницаемы друг для друга. Реальные действия исполнителя заговора в тексте приписываются сверхъестественному существу. Действия, совершаемые самим исполнителем заговора, также мифологизируются. Происходит магическое удвоение: ритуал отражается в зеркале текста, а текст, в свою очередь, отражается в зеркале ритуала. При этом текст приобретает качества действенности и почти вещественной осязаемости, а ритуал наполняется символическим смыслом. Человек лишен такой свободы, какой обладают персонажи заговора: он может настрогать стружки, но вот обстрелять болезни из разных органов тела он уже не в силах. Это делает за него *золотой человек* заговорного текста. Слова наговариваются на нагретое «пенное масло», которое как бы уподобляется первозданному морю-океану, причем *жёлтый* цвет масла ассоциируется с *золотым* цветом моста, чудесно-

го человека и его стрел [2, с. 299]. «Мотив отстреливания болезни развился из обряда, давно уже забытого, но в XVII веке еще практиковавшегося» [4, с. 261]. Эпитет *золотой* первоначально мог появиться у стрелы, а потом уже обратиться в сквозной, и так мог создаться образ чудесного (*золотого*) человека, отстреливающего болезни.

Золотыми могут быть также предметы, изготовленные из драгоценного металла (рус. *золотое седло, золотые трубы, золотые пяла, золотая игла, золотые веретена, золотой нож*; бел. *залаты крижик (крест, хрэст), залаты вянок, залатое сядло, залатыя замки, залатыя зашэпки, залатое капьё, залатая тросць, залаты кій, залатыя клешчы, залатыя ключы, залатыя кружэчкі, залатая мысочка, залатыя сундукі*). Ср.: рус. ...*Сидит девица душа красная, Пресвятая Богородица, в трои золотыя пяла шьет: шелкова нитка, золотая иголка...* (БКРИЗ. № 25. Заговор от ран и кровотечений, 211); бел. *Хрыстус воскрес! Остаўся золотый хрэст...* (ПЗ, № 726. От грому, 406). Сквозной сюжетобразующий мотив «Сакральный покровитель берет *золотые* ключи, отмыкает царские ворота/родовые пути и выпускает младенца» является центральным для полесских заговоров: ...*На Сиянской горе// На британьской земле// Божья Мати ходила,// Золотыми устами// Золотыми перстами,// Золотыми ключами// Золотые ворота открывала// И рабе Божьей Ганне// Младенца (младенку) на цей свет пускала* (ПЗ, № 1 [Облегчение родов], 24), *От Лаврыдо Пйргы Божья Маты ийшлб,// Вязку золотых ключоў нэсла,// Золотые ворота отчинять,// Кушчи-мушчи роздвыгаты,// Золотые воротб отчъненеца,// Кушчи-мушчи роздвъгнеца// И младенец на свет Божий появься* (ПЗ, № 3 [Облегчение родов], 25). Ключ – «предмет, наделенный символикой закрывания-открывания и употребляющийся в апотропеической, медицинской и вредоносной магии вместо замка или параллельно с ним... В лечебной практике используется основная функция ключа – запирать, замыкать что-либо; на этом основано закрывание, замыкание болезни... Ключ, особенно церковный, используется в магических действиях, для которых важно символическое открывание...» (СД 2, 511).

Прилагательное *золотой* реализует переносное значение «яркий, блестящий», соотносясь с символикой света (рус. *золотой рог* (у месяца); бел. *залатая риза, залатая раса, залаты рог, залатыя ножкі* (у месяца), *залатыя звезды*): рус. *Молодик, молодик, тебе – рог золотой, а мне – жених молодой* (ЗЗРН, № 2, с. 19); бел. *Месяц ты, месяц, залатыя твае ножкі...* (Зам., № 625. Ад зубнога болю. 187).

Этот же эпитет имеет в текстах заговоров символическое значение. *Золотая* символика, дохристианская по существу, функционировала в условиях постепенной христианизации культуры, сливаясь с религиозными понятиями воздания и возмездия, добра и зла. *Золотой* – цвет сакральности, главенства, поэтому он чаще всего объединяется с другими атрибутами власти, царственности, особой магической силы.

Высокой поэтической структурированностью отличается русский заговор «От усоев»: *Есть море золото, на золоте море бел камень, на беле камени сидит красная девица с палицею железною, тепет, обороняет, отлучает от раба Божия (имярек) усоеви на мхи, на болота; Есть море золото, на золоте море золот кораблю, на золоте корабле едет святой Николае, отворяет морскую глубину, поднимает железныя врата, а залучает от раба Божия усоеви аду в челюсти* [3, № 90]. В рассматриваемом заговоре используются анафоры, синтаксический параллелизм, сквозной симпатический эпитет, включающий краткое прилагательное *золот* (*золото, золоты*). В содержательном плане здесь также используется так называемое «ступенчатое сужение образов»: взгляд как бы приближается к объекту, передвигаясь от общего плана к крупному. Наиболее продуктивным в анализируемом заговоре является словосочетание *золото море*, которое повторяется дважды в начале каждого из пяти предложений.

Сочетание *золотая гора* встречается в белорусских заговорных текстах. Гора в народной космогонии – «локус, соединяющий небо, землю и «тот свет»; место обитания нечистой силы, совершения обрядов и т.п.» (СД 1, 520): *Святы Юрий Пабеданосец// Ездить на сивом кани// По залатуй гарэ,// Берэ с залатуй гары// Залатые ключ...* (ПЗ, № 904 [От укуса волка], 529). С горой связаны представления о потустороннем мире (ср. рус. выражение *отправиться на горку* «умереть»; царство мертвых – страна с *золотыми* горами

(рус.), на железной горе находится рай (бел.), после смерти человек должен карабкаться на высокую крутую гору, чтобы достичь того света (в.-слав.), Вырей находится за горами (бел.). На горе между двумя елями хоронили заложных покойников. В заговорах болезнь и ее воплощение отсылают в «иной» мир, воплощением которого наряду с лесом, водой, оврагом и др. является и гора (СД I, 520).

В текстах русских заговоров встречается сочетание слова *камень* с определением *золотой (золот)*: рус. *На море на Окиане, на острове на Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет, под тем дубом стоит липовый куст, под тем липовым кустом лежит золотой камень, на том камне лежит руно чёрное, на том руно лежит инорокая змия Гарафена...* (БКРИЗ, № 1. Заговор от укуса змеи, 423-424). Семантическое поле «светлый» = (белый/серый) + «золотой» + «горючий», включающее в свой состав лексему *золотой (золотой)*, по мнению Т.А. Агапкиной, «отвечает архаической концепции святого, в интересующем нас случае спроецированной на некое святое место (камень, находящийся в центре мира), объект поклонения и источник чаемой помощи, ср. у В.Н. Топорова о «беспорной связи «святости» с «блеском», «сиянием», в их предельном проявлении – с *золотым* и пурпурным цветом» [5, с. 258]. Топоров считает, что «эти последние свойства и есть форма выражения «святости» в оптически-визуальной сфере (коде). Поэтому так многочисленны примеры, когда сама «святость» познается по этим признакам» [6, с. 215]. Таким образом, *золотой камень*, лежащий «на море на Окиане», осознается как сакральный локус.

«В заговорах апеллятив церковь часто снабжен эпитетом, характеристическим определением или уточнением, указывающим на сакральность самого объекта, его принадлежность к христианскому культу, на святого, которому посвящена эта церковь, или, наконец, на некоторые внешние признаки храма, маркирующие его исключительность и связь с концептом святого (*золотой*)» [5, с. 261]. Примечательно, что *золотая церковь* «дополняется» и часто даже подменяется такими объектами, как *престол (золотой престол, золотой стол), золотой крест, золотой столб, золотая лестница, золотая книга, золотая риза*. Ср. рус. *На синем море золотой престол, на золотом престоле золотая книга, на золотой книге золотой крест. На золотом кресту сам Господь Иисус Христос...* (ЗОЦС, От зверя и злого человека, 87); бел. *...На Сиянской гори Сус Христос у золотой пелени, с копьём и штыком...* (ПЗ, № 1074 [От сглаза]).

Магическое действие анафорической цепи усиливается многократным повторением одного и того же атрибута, связывающего анафорическую цепь в единое целое: *...На золотом море золотой остров, на золотом острове стоит золотой престол, на золотом престоле стоит животворящее древо, на животворящем древе сидит Сам Иисус Христос и Небесная Царица, Мати Его* (МЭ, 41).

В лечебных заговорах отмечается сочетание апеллятива *дуб* с разного рода пояснительными эпитетами. «Эпитеты и характеристические определения не только решают задачу персонификации природного объекта, но прежде всего способствуют выделению конкретного культового объекта (дуба, сосны) из ряда ему подобных [5, с. 260]. Они характеризуют это дерево по цвету листы и коры: рус. *золотой дуб, сосна золотая*; бел. *дуб с золотой корой*. В других лечебных заговорах под деревом (или реже около камня) фигурируют *золотое кресло, золотое ведро*.

Таким образом, в заговорных текстах *золотой* цвет оценивается исключительно позитивно. Это цвет всемогущий и всепобеждающий.

Культ коня занимал значительное место у древних племен, причем у нескотоводческих народов он не столько был связан с тотемическими представлениями, сколько с аграрной магией. Общими для мифологии всех индоевропейских народов является мотив бога Солнца на боевой колеснице, запряженной конями, причем само солнце представляется в виде колеса. Солнечная, огненная природа коня подчеркивается его *золотой* атрибутикой, *золотой* окраской, наличием определения (приложения) с корнем *-злат*: рус. *В чистом поле млад месяц народился; от млада месяца млад молодец сидит; молодец на вороном коне; у ворона по колени ноги в золоте и по локоть руки в серебре, на буйной голове все кудри в зо-*

лоте (РЗ, № 303); *Есть в чистом поле, в широком раздолье кобылица-златыница; есть у этой кобылицы двенадцать жеребцов* (РЗ, № 311). В текстах русских заговоров часто используется определение *залаты* при описании коня, на котором едут Иисус Христос и святые: *Ехаў Сус Хрыстос на вараном кане, на залатом сядле залатою грэбелькаю* (Зам., № 975); *Едзе святы Юрый і Ягорый-ваявод на сінім кані ў залатым сядле с залатым кап'ём...* (ЗН, № 40. Ад гадзюкі, 46), *Святы Іоргі будзець ехаць на сівом кані, на залатом сідлі, за залатою кап'ёю* (Зам., № 244); *Ехаў святы Ягор на сівым кані ў залатым сядле і залатым срэбры* (Зам., № 428).

Мифическими помощниками в заговорах «От грыжи» являются *золотой петух* и *золотая щука*: *...вылетает злат петух, садится к рабу Божию (имярек) на голову и на темя порхать, и выпорхает у раба Божия (имярек) золотым своим крыльем и золотыма своими когтями и все грыжи и грыжухи, родовы и напускны, уросни и прикосни, улетает за тридевять земель и за тридевять морей. В том синем море есть лютая змея, отдаёт злат петух той лютый змее из своих золотых когтей все грыжи и грыжухи...* (ЗЗРН, № 44. Грыжные слова, 232), *...Есть в чистом поле Окиян море, и есть на Окиян море белый камень, и есть под белым камнем щука золотая – и перье золотое, и кости золотыя, и зубы золотыя. И приди, щука, к рабу Божию (имярек) и выгрызи у раба Божия (имярек) своими золотыми зубами грыжу ...* (ЗЗРН, № 396. От грыжи, 231), *...И есть на Окиане-море белый камень. Есть под белым камнем щука золотая и перезолотая, И кости золотые, и приди, щука, к рабу Божию (имя) И выгрызи у раба Божия (имя) своими золотыми зубами Грыжу встречу, напуцену, жильну, костяну, сосцову, красну...* (ЗЖРИО, № 23. Заговор от грыжи, 5).

Эпитет *золотой*, используемый для обозначения кожных заболеваний (ср. *золотуха*), вероятно, соотносится с мифологическим концептом *золото* (как принадлежности «того света»), а также употребляется в качестве эвфемистического обозначения реалий, связанных с нечистотой, ср. воронеж. проверье о том, что человек, покрытый струпьями и умерший от оспы, на том свете будет носить *золотые* ризы, а также русское название ассенизатора *золотарь*.

В русской традиции сложилось восприятие *золотого* как знака избранничества, счастья и высшего суда, подобное представление сложилось еще в рамках солнечного культа. *Золотая* символика, дохристианская по существу, функционировала в условиях постепенной христианизации культуры, сливаясь с религиозными понятиями воздаяния и возмездия, добра и зла. Золото, как правило, связано с испытанием героя, его получают только избранные. Таким образом, *золотые* предметы в фольклоре сакральны. Мифологема чистого, сакрального, золота (крест, ключи, игла, стрелы, замки, седло, клещи, кружечки, мисочки) проявляется в заговорах, где заговаривающий ищет небесного покровительства; так, в заговоре на добрый путь он представляет себя одетым в *золотые* ризы, укрытым *золотой* пеленой. Ср.: *...На ... золотом стуле сидит красная девица, подпоясалась золотым поясом, подперлась золотым посохом...* (БКРИЗ От грыжи, 40); *Есть море-Окиян; на том море есть мост золотой, сидит на нем человек золотой, стружет стрелы золотые...* (БКРИЗ От волоса, 201). *Золотой* цвет, олицетворяя счастье, богатство и бессмертие, символизирует божественность и святость. Это чудесный цвет, всепобеждающий и всемогущий.

Таким образом, *золотой* цвет в заговорах не оценивается негативно, он обладает положительной символикой, являясь всепобеждающим и всемогущим. Священная семантика *золотого* цвета имеет первичную физическую и в целом мифологизированную природу. *Золотой* – цвет сакральности, главенства и чудес, поэтому он чаще всего объединяется с другими атрибутами власти, царственности, особой магической силы. *Золото, золотой* – красный, желтый. Золото ассоциируется и отчасти отождествляется с этими цветами и выступает как их образный заместитель.

Abstract. The paper considers the functions of the adjective golden, its compatibility with other lexemes in the texts of Russian and Belarusian charms. Special attention is paid to the sacral symbolism of the adjective having a mythologized structure.

Литература

1. Миронова, Л.Н. Цветоведение / Л.Н.Миронова. – Мн.: Высшая школа, 1984.
2. Топорков, А. Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV-XIX вв.: История, символика, поэтика / А. Л. Топорков. – М.: Индрик, 2005.
3. Майков, Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков. – СПб., 1992.
4. Познанский, Н. Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул / Н. Познанский. – Пг.: Орлов, 1917. – 352 с. (репринт – М.: Индрик, 1995).
5. Заговорный текст. Генезис и структура. – М.: Индрик, 2005. – 520 с.
6. Топоров, В. Н. Об одном архаическом индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *SVKT- / В.Н. Топоров // Языки культуры и проблемы переводимости. – М., 1987.

Список сокращений

БКЗ – Крымова, А. Большая книга заговоров / А. Крымова. – СПб.: Невский проспект, 2004; **БКРИЗ** – Большая книга русских исцеляющих заговоров / авт.-сост. М.В. Рейли. – М.: ООО “Издательство АСТ”: ООО “Издательство Астрель”, 2002; **ВРЗ** – Майков, Л.Н. Великорусские заклинания / Л.Н. Майков // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1869. – Т. II; **Зам.** – Заомы / уклад. Г.А. Барташевич. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992; **ЗГ** – Смилянская, Е.Б. Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII в. / Е.Б. Смилянская // Отреченное чтение в России XVII-XVIII веков. – М., 2002. – С. 99-172; **ЗЗРН** – 777 заговоров и заклинаний русского народа / сост. А.Александров. – М.: Локид, 1997; **ЗОЦС** – 773 заговора и оберега целителей Сибири. На здоровье, любовь и успех в делах / авт.-сост. Н.А. Новоселова, Л.И. Скрипачева. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003; **МЭ** – Ястребов, В. Материалы по этнографии Новосибирского края / В. Ястребов. – Одесса, 1894; **ПЗ** – Полесские заговоры (в записях 1970-1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской, А.Л. Топоркова. – М.: Индрик, 2003; **РЗ** – Русские заговоры / под ред. Н.И. Савушкиной. – М.: Пресса, 1993; **СД** – Славянские древности: Энциклопедический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар.отношения, 1995-1999. – 1995. – Т. 1; 1999. – Т. 2.

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

Поступило 21.03.09